

Светлана Алешина

Сладкая приманка

*Часть сборника
Сладкая приманка (сборник)*

Светлана Алешина
Сладкая приманка

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Сладкая приманка / С. Алешина — «Научная книга», 1999

«...До роддома мы долетели минуты за три. Зрелище было мрачное. Трехэтажное здание роддома представляло собой букву П с короткими ножками. Взрыв произошел в средней части на втором этаже. Что там случилось, отчего произошел взрыв, пока можно было только гадать. Но в самом центре здания на уровне второго этажа зияла дыра, из которой вырывались языки огня и клубы дыма... Кругом стоял визг, крики женщин и медперсонала, пытающегося хоть как-то руководить роженицами. Мы прибыли вслед за пожарниками, которые уже влезли внутрь со своими шлангами и поливали все вокруг, нисколько не заботясь о том, что в палатах еще оставались младенцы и роженицы... Нам нужно было срочно начать эвакуацию...»

© Алешина С., 1999

© Научная книга, 1999

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Алешина

Сладкая приманка

Глава первая

Ничто не предвещало, что этот последний августовский день, начавшийся в привычной суматохе наших обыденных спасательских дел, всколыхнет весь Тарасов. Разыгравшуюся трагедию мог задумать и осуществить лишь человек с патологически извращенным умом.

Дежуривший в тот день Александр Васильевич Маслюков, по прозвищу Кавээн, получивший после событий в Булгакове майора, скучал у телефона и с завистью поглядывал, как мы с Игорьком азартно сражались в шахматы, пытаясь доказать друг другу не столько преимущество своего стиля игры, сколько перспективность образа мышления. Игорек, штатный аналитик нашей ФГС-1 – федеральной группы спасателей с допуском на все объекты, кроме сверхсекретных, недавно ставший капитаном МЧС, был большим поклонником Шерлока Холмса, точнее его метода дедукции, поэтому в шахматах предпочитал стиль Анатолия Карпова. Меня же от просчитанных на двадцать ходов вперед, осторожных и рационально построенных комбинаций этого советского чемпиона мира охватывала такая скука, что хотелось перевернуть доску и раскидать все фигуры.

Моей психической организации гораздо больше соответствовала кажущаяся нелогичность, парадоксальность и интуитивная импровизация Михаила Таля. Впрочем, для Игоря шахматы были только поводом для подчеркнута индивидуального контакта со мной. Все его многочисленные попытки установить между нами какие-то особо доверительные или даже интимные отношения я всегда мягко, но уверенно пресекала. До конца он, по-моему, с этим не смирился и продолжал настойчиво добиваться своего, правда, каждый раз каким-нибудь окольным путем... Как вот сейчас – за шахматной доской...

Даже будучи увлечена игрой, я в силу профессиональной привычки психолога наблюдать за собеседником, тем не менее следила за реакциями и эмоциями своего партнера и отчетливо видела, что, выигрывая у меня, он испытывает такое удовольствие, словно ему удалось затащить меня к себе в постель...

Наш обожаемый командир Григорий Абрамович по прозвищу Грэг укатил в Москву получать в министерстве подтверждение на новые звания для троих из нашей четверки. Он тоже совсем недавно получил звание подполковника. Возможно, заодно и новый допуск для нашей группы привезет – нулевой, то есть «без ограничений».

Кавээн жестоко завидовал Игорю во всем, что было связано с проявлением интеллектуальных способностей. Сам он в шахматы играть не умел, и глубокий анализ ситуации никогда не был его коньком. Но главное, что требовала его должность старшего эксперта по оперативной обстановке, – это способность мгновенно принимать в любой ситуации правильное решение, что ставило его в совершенно независимое положение в нашей группе. Нам-то с Игорьком всегда нужно было спокойно, сосредоточенно подумать, прежде чем что-либо предпринять...

Кроме того, Кавээн серьезно, по-мужски, дружил с Грэгом лет, наверное, уже с десяток. Им с нашим командиром на двоих было уже за восемьдесят, а нам с Игорьком вместе не стукнуло еще и пятидесяти пяти.

Вряд ли Кавээн отдавал себе отчет в том, что он завидует Игорьку. Но завидовал он еще и тому, как Игорек непринужденно разговаривает со мной и вообще его свободной манере держаться с женщинами. Для Кавээна же общение с женщиной – это какая-то трудная работа, он смущается и боится противоположного пола, хотя практически всем женщинам нравится его мужественность, и он всегда вызывает в них живой интерес. Правда, ненадолго...

Поэтому Кавээну ничего другого и не оставалось, как только размышлять над очередным кроссвордом, изредка поглядывая на подозрительно долго молчавший телефон... Пару раз он даже снимал трубку, проверяя, не отключили ли нас от городской сети, мало ли что – может быть, наше тарасовское территориальное управление МЧС задолжало связистам за пару месяцев...

Но телефон молчал, хотя обычно мы без дела долго не сидели – спасателям в современном городе всегда, как это ни печально, находится работа: то вызволять искалеченного водителя из покореженного в ДТП автомобиля, то вытаскивать слишком любопытного пацана из заводской вентиляционной шахты или снимать с крыши доведенного жизнью до отчаяния самоубийцу.

В последнем случае – уговорить, снять стресс, нейтрализовать истерически-суицидальный синдром – все это у нас в группе входит в обязанности капитана МЧС, экстремального психолога второй категории Ольги Николаевой, то есть в мои.

Иногда и ФСБ за помощью обращается – в рамках соглашения о сотрудничестве, подписанного год назад нашими министрами, выполнявшими так называемый ОБЖ – указ президента «О безопасности жизни в России»... Разные, словом, ситуации случаются.

Честно говоря, молчание телефона меня тоже настораживало. Сидеть без дела у спасателей – плохая примета. Только совсем зеленые новички могут радоваться безделью. Те, кто поопытнее, чувствуют – готовится что-то серьезное, из обыденного ряда вон выходящее... Меня наше вынужденное безделье волновало каким-то неясным предчувствием, я даже зевнула пешку, чем здорово ослабила свою позицию на королевском фланге.

Прозвучавший наконец телефонный звонок резко ударил по нервам. Кавээн вздрогнул и снял трубку. Не знаю почему, но в душе у меня уже родилось ощущение какой-то беды. Я тоже вздрогнула и уставилась на Кавээна.

Главное его достоинство – мгновенная моторная реакция. Он держал трубку секунд пятнадцать, затем пришел в движение. Телефонная трубка еще не долетела до рычага, а Кавээн уже успел нажать кнопку общей тревоги, по которой диспетчер управления МЧС объявлял сбор подразделений гражданской обороны, и теперь стоял у стенного шкафа и доставал из него свой рюкзак со спецснаряжением. Уже подойдя к двери, он крикнул нам с Игорьком:

– Взрыв в роддоме. У вокзала. Шесть минут назад. В машину. Быстро!

Кавээн имел право нами командовать в отсутствие командира, как старший по званию, да и по опыту работы спасателем.

Шахматная доска полетела на пол, задетая моей неосторожной рукой.

– Ничья! Согласна? – крикнул Игорек, вылетая вслед за Кавээном в коридор.

«Конечно, согласна! – подумала я, глядя на спину Игорька, бегущего впереди меня по длинному коридору к выходу. – Эта ничья – в мою пользу. Положение-то у меня проигрышное...»

И тут же все мысли у меня из головы вытеснила мгновенно вспыхнувшая тревога, вылившаяся в одно имя – Сергей! Во втором роддоме, что у железнодорожного вокзала, работал Сергей Яснев, Сережа, моя первая, неудавшаяся любовь и первая, самая острая боль...

Мы с ним любили друг друга целый год. Сильно любили... Пока однажды он не заявил мне, что ему не нужен никакой спасатель. Что он сам себя спасет, если возникнет такая необходимость, что спасателем должен быть мужчина, а не женщина. «В семье, я имею в виду», – добавил он тогда. «В семье...» Он думал о семье, а я – о своей диссертации, которую начала тогда писать... Вот вам и вся драма наших отношений. Теперь я кандидат психологических наук с неустроенной личной жизнью... Банально? Да уж куда банальней. Но как больно... Утешает только одно – что мне всего двадцать четыре года и есть еще время забыть о его существовании.

Расстались мы три года назад, и с тех пор я его не видела. Не знала, что с ним, как он сейчас живет, не женился ли?.. Мне было известно только, что работает он в роддоме, психоэмбриологом. Всегда, кстати, считала, что эта отрасль психологии занимается профанацией – нет у эмбриона никакого сознания, его психика целиком бессознательна, и все действия психотерапевта сводятся к воздействию на психику будущего ребенка химическими, точнее сказать, фармакологическими средствами через организм матери. И по этому поводу мы с Сергеем тоже спорили жестоко и часто. Он утверждал, что у матери и ребенка до его рождения общая психика и сознание ребенка уже начинает формироваться под влиянием развитого сознания матери.

Кавээн уже сидел за рулем нашего спасательского «рафика», выкрашенного в яркие красно-синие цвета. Я впрыгнула в машину последней, дверь закрывала уже на ходу, когда мы выезжали из ворот управления на Камышинскую. До роддома ехать было километра полтора по центральным улицам с интенсивным движением. Кавээн включил сирену и направил «рафик» в самую гущу машин. Все шарахались с нашего пути, уступая дорогу красно-синему автомобильному снаряду. Мы уже привыкли к скорости, с которой Кавээн возил нас на вызовы, и, едва попав в машину, привычным жестом пристегивали ремни безопасности.

Тарасовские водители знали уже по собственному опыту, что со спасательским «рафиком» лучше не связываться. Задеть кого-то и оторвать, например, крыло у какой-нибудь машины – это Кавээн мог запросто. И такие случаи уже бывали. Виноват в столкновении всегда был Кавээн, но сам он не расплачивался с теми, у кого слегка изуродовал машину. Платило в таких случаях управление МЧС, но платило, конечно, неохотно, и деньги получить с него можно было не раньше, чем через полгода.

До роддома мы долетели минуты за три. Зрелище было мрачное. Трехэтажное здание роддома представляло собой букву П с короткими ножками. Взрыв произошел в средней части на втором этаже. Что там случилось, отчего произошел взрыв, пока можно было только гадать. Но в самом центре здания на уровне второго этажа зияла дыра, из которой вырывались языки огня и клубы дыма... Кругом стоял визг, крики женщин и медперсонала, пытающегося хоть как-то руководить роженицами.

Мы прибыли вслед за пожарниками, которые уже влезли внутрь со своими шлангами и поливали все вокруг, нисколько не заботясь о том, что в палатах еще оставались младенцы и роженицы... Нам нужно было срочно начать эвакуацию. Я отчаянно крутила головой в надежде увидеть Сергея, но его на улице не было.

Кавээн уже выяснил у пожарников, где был эпицентр взрыва. Всем нам предстояла адская работа.

Взрывом отрезало от главного выхода палату младенцев. Существовал, конечно, запасной выход с другой стороны, но он оказался заставленным всяким ненужным хламом – разобранными пружинными кроватями, медицинским оборудованием, которое еще не списали, но уже заменили новым, сломанными стульями, ожидающимися ремонта. Пройти по нему можно было лишь боком, и эвакуация была очень затруднена. Единственный вариант, который можно было серьезно рассматривать, – это встать цепочкой и передавать младенцев из рук в руки. Две медсестры и врач, метавшиеся в палате младенцев, не знали, что делать.

С той стороны, где произошел взрыв, по внутренним помещениям в сторону этой палаты двигалось пламя. Огню оставалось пройти каких-нибудь метров тридцать. Пожарники попытались в одном месте его перехватить, но безуспешно – огонь просочился, протек через их пенный блок и, вновь собравшись с силами, двинулся дальше по деревянным панелям коридора, по мебели и занавескам.

Под общий рев младенцев, заглушающий временами даже шум рвущегося из окон в небо пламени, медсестры вытаскивали новорожденных, беря в охапку по четыре живых кулечка и кое-как протискиваясь с ними через захламленный запасной выход. Вынести на улицу и сдать

под надзор четверых санитарок удалось пока только шестнадцать новорожденных. В палате оставалось еще в два раза больше.

Это была жуткая в своей неправдоподобности картина – завернутые в пеленки, а кое-где и развернувшиеся беспомощные грудные дети лежали на газоне, огражденном чугунной оградой, и кричали что есть мочи. Санитарки бегали между ними, совали им в рот соски, пытались завернуть тех, кто развернулся, тут же бросались принимать новых младенцев из рук медсестер и укладывать их на траве, в общий орущий «строй»...

Кавээн, едва разобравшись в обстановке, сразу же бросился в правое крыло, где сосредоточился почти весь медперсонал, и тут же включился в общую работу – выводить, выносить и не пускать в здание уже родивших матерей, которые рвались в огонь за своими детьми. Многие из них успели увидеть своих младенцев один-два раза, а некоторым это и вовсе не довелось. Там была суматоха и толкучка.

Мы с Игорьком побежали в левое крыло спасать новорожденных, оставленных на попечение двух медсестер и одного врача. Если оценивать ситуацию объективно – грудные дети были брошены на произвол судьбы... Уже в дверях запасного выхода дорогу нам преградил мужчина в разорванном, обгоревшем больничном халате, заляпанном пеной из огнетушителя. Все его лицо было покрыто черными разводами копоти.

– Назад! – закричал он нам. – Все – в то крыло! Быстро!

Игорек попытался отстранить его с дороги, но получил такой удар кулаком в лицо, что отлетел от двери и едва устоял на ногах.

– Ты что делаешь, гад? – заорала я на врача. – Там же дети!

– Ух ты, козел! – пробормотал Игорь, приходя в себя. – Да я тебя сейчас!

Врач посмотрел на меня в упор взглядом человека, сосредоточенного на своих мыслях. Сердце мое радостно ухнуло куда-то вниз – это был Сергей! Но мгновенная радость уже сменилась волной раздражения – опять он за свое, опять он командует и хочет заставить меня, нас с Игорьком, делать все по-своему!

По-моему, он меня не узнал. В ответ на наши угрожающие движения он схватил со стены огнетушитель и приготовился включить его ударом об пол.

«Тоже мне – оружие против Игорька нашел!» – подумала я.

– Спасайте женщин! – крикнул он. – Они еще нарожают...

– Оставь его! – Я дернула за рукав Игорька, уже приготовившегося провести боевой прием, грозивший Сергею как минимум сломанной рукой. – Время потеряем!

Мы и в самом деле могли застрять в этом коридоре надолго. Сергей был ростом около двух метров, атлетом его, конечно, не назовешь, но преграду в узком захламленном коридоре он представлял существенную. И неизвестно еще, удалось бы Игорьку с ним справиться. Силой его Бог не обидел, я помню, что меня он поднимал на руки легко, как пушинку, и нес в спальню без малейшего усилия...

Во двор роддома одна за другой влетели четыре «скорые», из них буквально высыпались люди в белых халатах. Они принялись подбирать с земли младенцев и загружать их в машины... За оградой раздался визг тормозов, и из крытого брезентом «ЗИЛа» начали выскакивать наши спасатели-волонтеры – прибыл первый взвод гражданской обороны.

«Скорые» загрузились и умчались, чтобы вскоре вернуться за новой партией едва обретших жизнь, но уже рисковавших потерять ее человечков...

– Оставь его, Игорь! – Я сама чуть не врезала Игорю, чтобы заставить его успокоиться и начать соображать. – Пожарная лестница!

Игорь наконец понял меня. Он плюнул в сторону заслонившего собой дверь Сергея с огнетушителем в руках и побежал к пожарной машине с выдвижной лестницей, которая стояла за оградой роддома. Я бросилась к нашим добровольцам-«партизанам» объяснять им их задачу. Офицер МЧС в любой ситуации может взять на себя оперативное управление подраз-

делением ГО, если этого требует обстановка. Через две минуты верхний конец лестницы уже выбил стекло в одном из окон палаты младенцев, а «партизаны» выстроились на ней в цепочку и начали передавать с рук на руки захлебывавшихся плачем детей...

«Теперь вроде бы успеем! – подумала я. – Вот скотина!»

Последнее, естественно, относилось к Сергею. Он всегда принимал наиболее целесообразное решение, даже если оно было жестоко. И теперь, выбирая между матерью и ребенком – кому из них остаться в живых, – он отдал предпочтение матери в расчете на ее «репродуктивную функцию» – так это звучит на его языке...

Словно ему, профессиональному психологу, не было известно, каким стрессом оборачивается для матери трагическая потеря ребенка, особенно для современной городской женщины, уверенной в большинстве случаев, что она пришла в этот мир не бороться с многочисленными врагами за свое выживание, а для того, чтобы его украшать... Психика современного человека разорвана представлениями о том, как он хочет ощущать себя в этом мире, и реальными возможностями существования. Представления большинства женщин о желанном образе жизни, к сожалению, формируются чаще всего не реалиями их жизни, а уровнем их интеллектуального развития, степенью эмоциональности и общим состоянием культуры общества... С трудом могу представить себе сегодня городскую женщину, которая перенесет смерть ребенка без какого-либо расстройства психики и станет рожать еще и еще, наперекор судьбе и смерти.

«Чертов сухарь!» – подумала я негодуя и тут же вспомнила, несколько даже растерявшись, как этот «сухарь» говорил мне такие слова, от которых не только голова кружилась – все вокруг меня кружилось, кроме его склоненного надо мной лица, кроме его глаз, проникающих в самую глубину моей смятенной души, кроме его губ, жадно принимающих к моему телу.

«Стоп! – прикрикнула я на саму себя. – Опомнись! О чем ты думаешь? Ты должна думать о том, как помочь этим несчастным женщинам, многие из которых потеряли сегодня детей, а ты думаешь о себе, словно ты несчастней всех их. Прекрати сейчас же жалеть себя! У тебя и ребенка-то никогда не было».

На последней фразе я стиснула зубы, стряхнула с ресниц неожиданно накатившие слезы и, подхватив с кровати беспомощно смотрящую на меня молодую женщину, осторожно повела ее к лестнице на первый этаж, оберегая от толчков ее огромный живот и следя, чтобы она не шагнула мимо ступеньки, – живот мешал ей видеть, что у нее под ногами... Женщина вцепилась в мою руку побелевшими от напряжения пальцами и смотрела вперед широко раскрытыми глазами.

Я прошла с ней уже один пролет лестницы, когда до меня вдруг дошло – она же еще не родила! Что же она делает в послеродовом отделении на третьем этаже? Ведь родильное отделение на втором этаже... Как раз в нем и произошел взрыв...

– Послушай, ты как оказалась наверху? Ты же не родила еще! – Я остановилась на площадке между этажами и заглянула ей в глаза.

Кроме страха, в них ничего не было...

– Я не буду никого рожать, – забормотала женщина. – Я не хочу никого рожать... Мне и одной хорошо, мне не нужно никого. Оставьте меня в покое! Я... Я ненавижу детей!

Я с опаской покосилась на ее живот. Какое там не буду! Хочешь или не хочешь, а придется... И в самое ближайшее время, буквально – не сегодня-завтра.

На вид ей было лет пятнадцать. Я не удержалась и погладила ее рукой по голове.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Чайкина Лариса.

– Мы с тобой сейчас успокоимся и поговорим, вот только на улицу отсюда выберемся.

– Да! Я хочу уйти из этого ужасного места! Я не хочу ничего! Я не хочу видеть врачей!

Они все мертвые... Я ненавижу мужчин...

«Да это же самый настоящий бред!» – подумала я.

Мы все еще стояли на площадке между этажами, и Лариса не двигалась с места, несмотря на мои легкие подталкивания. Она вцепилась в перила и закричала:

– Я не пойду туда! Я боюсь!.. Я не хочу туда...

«Она была в том помещении, где произошел взрыв, – сообразила я. – Она поднималась по этой же лестнице на третий этаж и теперь не может заставить себя спускаться. Я не должна ее заставлять пройти этот путь еще раз... Что же делать?»

– Хорошо, мы не пойдем туда, – сказала я перепуганной Ларисе совершенно спокойно, словно у нас с ней был выбор – спускаться вниз или не спускаться. – Давай поднимемся обратно.

И мы начали опять подниматься наверх, вызывая в лучшем случае недоуменные взгляды у тех, кто спускался вниз, а в худшем – раздраженные крики женщин и врачей, двигавшихся нам навстречу. Я впервые слышала, как матерятся беременные женщины, и это меня, скажу честно, не очень поразило... Гораздо больше меня поразили их глаза... У некоторых уже начались родовые схватки, в их взглядах и в их криках я видела и слышала только боль, только желание, чтобы все это поскорее кончилось, все равно как.

– Куда вы меня ведете? Я рожаю! – кричала женщина лет тридцати и, ухватившись за перила рукой, образовала на лестнице пробку.

Медсестра пыталась оторвать ее руку от перил и не могла этого сделать...

– Да сделайте же ей кто-нибудь укол! – истерично старалась перекричать вопли женщины медсестра. – Она же прямо на лестнице сейчас родит! Ее нужно довести до машины. Да не ори ты, стерва!

Лариса смотрела вокруг с ужасом. Время от времени она оборачивалась в панике назад и начинала судорожно трясти головой.

– Я не хочу! Не хочу! – бормотала она, и слова ее становились все более бессвязными и невнятными, превращались в какое-то подвывание.

Мы поднялись с ней на третий этаж, я подвела ее к окну и открыла створки. Внизу суетились люди, сверху их передвижения казались бессмысленными и паническими, но только для непосвященного взгляда. Я сразу определила, что есть два основных направления движения, по которым движутся все, кого я видела внизу: одно – из главного входа, не пострадавшего от взрыва, к многочисленным машинам, сгрудившимся во дворе роддома, второе – от машин обратно ко входу. Это за остающимися еще в здании женщинами возвращались спасатели и часть работников роддома.

Прямо напротив пробоины в стене, образовавшейся от взрыва, на асфальте лежал труп женщины, выпрыгнувшей с третьего этажа... Она в момент падения ударилась затылком об асфальт и в то же мгновение умерла.

Вдалеке, у ограды, я разглядела сидящего на асфальте Сергея. Он обхватил голову руками и сосредоточенно смотрел на свои ботинки... Я поняла, что младенцев из левого крыла эвакуировали... Лестница только еще отъезжала от стены здания.

– Эй! – закричала я, не жалея голосовых связок, в раскрытое окно. – Давайте сюда! Лестницу сюда! Нужно снять женщину!

Какой-то слишком умный пожарник начал махать мне руками и объяснять, что там, у меня за спиной, есть лестница, которая выходит как раз к главному крыльцу роддома. По ней, мол, отлично можно спуститься, и что же это я, мол, сижу на окне и ору на весь двор.

– Надо мне, вот и ору! – сказала я вслух. – Умник нашелся.

Лариса вцепилась в мою руку и не выпускала ее, словно это была какая-то надежная опора в страшном мире, где вокруг только смерть и взрывы... Я посмотрела на нее и вновь подумала, что вести ее по лестнице нет никакой возможности... Этого просто ни в коем случае

нельзя делать. Жизнь-то ей и ее ребенку я спасу, но вот вылечить от неизбежной в этом случае психической болезни, похоже, не сумею никогда.

Я снова высунулась по пояс в окно. И чуть не выпала из него от радости.

– Игорь! – завопила я. – Игорек! Я здесь! Подгони лестницу!

Игорю не нужно ничего долго объяснять. Он сразу понял, что раз я об этом прошу, значит, так нужно. И не требуется задавать никаких вопросов и ничего советовать. Я наверняка сама все продумала. Расспросить о подробностях он меня всегда сможет и позже. А сейчас нужно прежде всего помочь... Это же один из законов неписаного Кодекса первых спасателей: «Не давай советов, когда от тебя ждут помощи».

Спускалась по выдвижной пожарной лестнице Лариса с гораздо меньшим страхом, чем по внутренней лестнице здания, хотя я не могу назвать этот способ спуска особенно удобным, тем более для женщины с огромным животом, которая вот-вот должна родить... Однако мы с ней преодолели этот путь без всяких происшествий. Я задала ей несколько контрольных вопросов, убедилась, что стрессовое состояние не переходит в аффективную стадию, и отправила ее в первую областную больницу уже полностью, как мне показалось, успокоившуюся. По крайней мере внешне.

К роддому вновь подлетела машина «Скорой помощи». Из нее выскочили двое крепких санитаров, начали быстро подбирать с асфальта младенцев и совать их в машину... Движения их были сноровистыми, действовали они стремительно, может быть, даже чуть торопливо, но это, наверное, простительно в создавшейся ситуации. Пока я смотрела на них, у меня, право же, сложилось впечатление, что эти санитары работают не хуже наших спасателей.

Из главного входа роддома вдруг выбежал Кавээн и прямым ходом направился к «Скорой помощи». Санитары к тому времени успели загрузить в машину шесть младенцев, в руках у них было еще по одному. Увидя бегущего к ним Кавээна, они на секунду остолбенели, но мгновенно пришли в себя и с младенцами в руках нырнули в машину. Мотор «Скорой» взревел, и она рванула с места, взяв сразу под шестьдесят. Двигатель, видно, был новенький.

Они едва не ушли от Кавээна. Ему удалось догнать машину как раз в тот момент, когда она набирала скорость... Дядя Саша прыгнул на крышу «Скорой», и вцепившись в мигалку, исчез вместе с ней за ближайшим поворотом.

Я повернула голову к Игорю в полном недоумении.

– Что это было? – спросил он, тоже глядя на меня круглыми глазами.

– Заводи! – заорала я, бросаясь к нашему «рафику».

Помощь наша с Игорьком Кавээну сейчас явно не помешает. В этом я была совершенно уверена.

Мы успели вывернуть за угол, когда на дальнем конце квартала «Скорая» с болтающимся на ее крыше Кавээном заворачивала на другую улицу. Еще мгновение, и нам не удалось бы их найти.

– Ага! – закричал Игорь. – Сейчас я вас достану!

В этот момент я убедилась в справедливости поговорки «С кем поведешься, от того и наберешься». Наш «рафик» едва не поднялся на дыбы и устремился за «Скорой» во весь опор. Может быть, виною тому были выбоины в асфальте, но я ощущала самые натуральные скачки. Мне на мгновение показалось, что за рулем сидит сам Кавээн и жмет, что называется, на всю железку.

Догнали «Скорую» мы метров через триста... Кавээн уже переполз на лобовое стекло и лишил водителя возможности ориентироваться. Знаю точно, что кулаком разбить лобовое стекло невозможно, но Кавээну это удалось. Я иногда думаю, что руки у дяди Саши не иначе как из чугуна. Гвозди он вдавливал в доску просто так – пальцами.

«Скорая» заюлила, шарахаясь от одного тротуара к другому. Хорошо еще, что встречного движения не было, улица, по которой мы ехали, с односторонним движением. Игорек

подобрался к потерявшей скорость машине вплотную и притер ее к стене дома. Бампер «Скорой» уперся в гранит фасада, и она остановилась.

Кавээн уже был на ногах и вытаскивал из машины одного из санитаров. Другой, выскочив на мгновение раньше, ударом кулака сбил с ног вылезавшего из «рафика» Игорька, отшвырнул меня с дороги и бросился бежать к перекрестку.

– Ах ты, сволочь! – крикнула я, крепко приложившись к асфальту. – Ну, погоди!

С этим кличем волка из известного мультфильма я вскочила на ноги и помчалась вдогонку. Сбивший меня с ног санитар был массивный и, вероятно, очень сильный мужчина... Поэтому справиться с женщиной, пусть и владеющей некоторыми спецприемами, ему не составило труда... Но по той же самой причине он бежал гораздо медленнее меня... Прежде чем он скрылся за углом, я успела почти догнать его, и за угол мы повернули уже практически одновременно.

Я слышала, как санитар дышал, словно загнанная лошадь, хотя пробежал-то он всего, наверное, метров сто... Он понял, что скрыться от преследования ему не удастся. Он оглянулся и увидел, что преследует его та самая женщина, которую он, как пушинку, только что отшвырнул со своей дороги... Решение, которое в этот момент возникло у него в голове, я уже знала и именно на него и рассчитывала... Он решил остановиться и разобраться со мной... Теперь главное – действовать точно и расчетливо, как учил меня мой первый наставник в искусстве рукопашного боя дядя Костя Чугунков в лагере спецподготовки, где я проходила сборы.

Уловив момент, когда он сбросил скорость, я не сделала того же самого, а, напротив, прибавила ходу и с разлету врезалась в его тело... Ей-ей, мне показалось, что я налетела на каменный забор! Но я знала, что у любого человека, будь он даже похож на каменный забор, есть уязвимые места в отличие от этого самого забора. В момент столкновения я чуть развернулась, и мой правый локоть с разлету врезался ему прямо в позвоночник чуть ниже лопаток. Главное – это точно попасть между позвонками. Я должна была уподобиться тореадору, который, нанося стремительный укол разъяренному быку, должен точно попасть в его самое уязвимое место размером с пятикопеечную монету. Судя по тому, как замычал мой противник после моего удара, я попала в цель...

Санитар споткнулся и с разлету грохнулся на асфальт. Пролежав неподвижно секунд пять, он пошевелился и начал медленно подниматься. Я стояла перед ним и раздумывала – куда бы ему врезать? Он был полностью открыт для удара. Я уже почти решила бить его носком ботинка в левое ухо, вернее, чуть ниже, где расположена особая точка, удар по которой парализует человека на некоторое время, но в этот момент услышала сзади себя урчание мотора.

– Игорь! – закричала я. – Сюда! Я здесь!

Игорь через мгновение был рядом. Амбалистый санитар понял, что теперь ему не уйти, и грузно вновь опустился на асфальт. До него дошло, что он окончательно попался...

...Когда мы вернулись к «Скорой», Кавээн устраивал допрос с пристрастием второму санитару. Признаюсь, таким разъяренным я его еще не видела... Он посадил санитару на землю и бил его головой о фонарный столб. При этом он кричал, перемежая вопросы с риторическими восклицаниями, полностью состоящими из ненормативной лексики.

– Кто тебя послал к роддому? – кричал Кавээн. – На кого ты работаешь?

Парень что-то мычал, продолжая под ударами Кавээна биться головой о столб.

Игорь с трудом оттащил майора от парня, сам едва не получив от него подзатыльник.

– Ты у него последние мозги выбьешь! – кричал он Кавээну. – Он же ничего нам не ответит, если сейчас сознание потеряет.

Кавээн немного успокоился. Игорь понизил голос и спросил наконец у Маслюкова:

– Ты чего на них набросился?

– Как чего! – возмутился Кавээн. – Ты не узнал их, что ли?

– Не-ет... – протянул растерянный Игорь. – А кто это?

– А это те самые Степаненко и Петросян, которых из нашего управления год назад выгнали... Ольге-то простительно, она их если и видела, то всего раза два, не больше.

Игорь внимательно посмотрел на парня, который перестал колотиться лбом об столб и размазывал по лицу кровь из ссадины на брови.

– Послушай-ка! – воскликнул Игорь. – Это точно Женька! Так тебя, значит, не посадили после той истории, когда ты со своим дружкой собрал килограмм золота с погибших при крушении поезда людей? А здесь ты что делаешь? И как около роддома оказался? И зачем детей в машину грузил?

До Игоря дошло все сразу, и он завалил парня теми же вопросами, которые задавал ему Кавээн.

Парень, до того смотревший на Игоря с некоторой надеждой, увидел на его лице то же выражение, что и у Кавээна, взвыл и сам, без малейшего понуждения со стороны, врезал лбом по столбу.

... Часа два спустя мы с Игорьком сидели у чугунной ограды роддома, курили «Winston», который оба предпочитаем всем другим иностранным сигаретам, и смотрели, как волонтеры из роты гражданки, то есть гражданской обороны, присланной диспетчером на ЧП в роддоме, приступают к разбору завала, образовавшегося на месте взрыва, а пожарные, справившиеся с огнем, сматывают свои шланги. Здесь нас и разыскал Кавээн.

Задержанных санитаров мы сдали милицейской опергруппе, младенцев отвезли в ту больницу, куда поступили и все остальные... Кавээн нашел нас, когда мы обсуждали то небольшое, чего удалось нам добиться от пытавшихся украсть младенцев «санитаров». Да-да, именно украсть детей пытались бывшие спасатели Петросян и Степаненко... С трудом выдавив из себя, что работают они на Кузнеця, главного авторитета одного из самых крупных районов Тарасова, они замолчали, и больше от них не удалось добиться ни слова.

– Вот они, теоретики-аналитики, Фрейд в обнимку с Холмсом! – Бодренький Кавээн смотрел скептически на наши замороженные физиономии.

Когда он говорил обо мне, то непроизвольно старался избегать слов женского рода. Впрочем, это касалось не только меня, а вообще всех женщин. Это не было с его стороны ни издевательством, ни злой насмешкой, он сам даже не замечал этого. Просто общаться с мужчинами ему было гораздо проще и привычнее, вот он и старался абстрагироваться от моего пола. Он вообще не думал меня оскорбить, и я всегда прощала ему эти «перлы». Простила и в этот раз.

– Хватит, наверное, дуру-то гнать, дядь Саш, – устало вздохнул в ответ Игорек, совершенно не расположенный к словесным баталиям, после того как практически на себе вытащил из роддома не меньше десятка с трудом державшихся на ногах женщин. – Что у тебя там, еще что-нибудь стряслось? Всегда так – только закуришь, как ты тут как тут... Специально, что ли, следишь?

– Стряслось не стряслось, вместе узнаем, – ответил Кавээн. – Соседи нас опять на разговор приглашают. Что-то нечисто у них с этим взрывом выходит... Все газовые коммуникации в порядке, оказывается. Что взорвалось, неизвестно...

Соседями Кавээн называл ФСБ, которую терпел с трудом, и при любом удобном случае задирался, часто нарываясь на довольно серьезные неприятности, из которых его постоянно выручал осторожный и деликатный в общении Григорий Абрамович...

Кавээн привел нас с Игорем в одну из палат в правом крыле первого этажа, где собрались все, кто хоть что-то смог узнать о причине взрыва.

Руководил этим собранием вовсе не фээсбэшник, как предполагал Кавээн, а следователь областной прокуратуры, молодой парень по фамилии Нестеров. Имени его я не помнила. Он пробовал за мной ухаживать, когда я только еще появилась в тарасовском управлении МЧС, и строил на мой счет далеко идущие планы. Ему не повезло, поскольку у меня тогда были

очень близкие и уже очень напряженные отношения с Сергеем, вдобавок ко всему я заканчивала диссертацию, готовилась к защите и времени на личную жизнь не имела совершенно. Из-за чего, вероятно, она и не сложилась так, как мне хотелось бы... А как, собственно, мне хотелось?.. Умная, красивая, не теряющаяся ни в каких ситуациях жена-спасательница, то есть я, и тоже умный, красивый, но... тихий, спокойный, нежный и внимательный, весь какой-то «камерный» муж-психолог, то есть Сергей? Ну признайся сама себе честно, разве он согласился бы иметь в нашей едва не сложившейся семье такой второплановый имидж?.. Плохо ты в людях разбираешься, психолог-спасатель.

Впрочем, хватит об этом. Забыла же я на два часа о Сергее, хотя встретила с ним здесь при весьма необычных обстоятельствах... Вот и не стоит опять вспоминать... Послушаем лучше, о чем с нами хочет поговорить... кто он там сейчас по званию? Ого! Майор Нестеров. Быстро люди в прокуратуре растут... А когда со мной знакомился, помнится, был старшим лейтенантом... Черт! Да как же его зовут-то?.. Александр или Андрей?.. Не помню.

– Хочу сообщить вам первые данные по подсчету пострадавших, – заявил Нестеров, когда собравшиеся в палате расселись по кроватям и немного успокоились. – Пока достоверно установлено, что погибли две женщины, находившиеся в родильном отделении, где произошел взрыв. Одну пока не нашли. Возможно, она находится в завале. Работы там сейчас продолжаются. Там же, в родильном, погибли два только что родившихся ребенка. Существовала опасность, что задохнутся в дыму младенцы, находившиеся в палате, расположенной ближе к очагу пожара. Но их удалось эвакуировать с помощью пожарной лестницы... Еще один младенец погиб во время родов, случившихся непосредственно после взрыва, когда женщины рожали во дворе, при общей суматохе... Среди рожениц потерь нет... Впрочем, есть – одна женщина выпрыгнула с третьего этажа и разбилась насмерть.

Он сделал паузу и вздохнул.

– Я специально говорю так много о пострадавших от взрыва, чтобы вы тоже поняли, что нас очень интересуют причины этого взрыва. Как установлено спасателями, а затем аварийной газовой службой, газовые коммуникации оказались в порядке, мало того, они даже не пострадали от взрыва, поскольку проходят в стороне от его эпицентра... Что еще могло взорваться в роддоме, я не могу предположить... Обращаюсь к вам с просьбой: если кто-то из вас сам видел что-то, что могло бы косвенно послужить причиной взрыва, прошу сообщить об этом мне. Кроме того, прошу вспомнить всех женщин и врачей, которые находились в непосредственной близости от эпицентра взрыва, и тоже сообщить о них мне... Если кто-то вспомнит позже что-то заслуживающее, на его взгляд, внимания, найти меня очень просто – областная прокуратура, первый этаж, десятый кабинет, телефон...

Последние его слова потонули в поднявшемся в комнате гуле. Народ обсуждал, кто что видел, кто кого выводил из здания... Задача осложнялась тем, что все мы прибыли на место в разное время, но уже после взрыва, и не могли, собственно, видеть, кто в тот момент находился рядом с его эпицентром, а кто прибежал из другого конца здания, чтобы спасти женщин и детей.

«Чайкина! Лариса! – мелькнуло у меня в голове. – Она же была именно там, где произошел взрыв! Она наверняка что-то могла видеть...»

Но рта я так и не раскрыла. Не знаю, что важнее: найти причину взрыва или сохранить физическое и психическое здоровье этой женщины. Я была уверена, что любое напоминание о взрыве вызовет у нее стрессовое состояние, которое неизвестно еще чем закончится, особенно в сочетании с последними днями, а то и часами беременности... Нет, я не буду помогать прокуратуре, пусть ищет причину взрыва без моей помощи. Извини, Нестеров, у нас с тобой разные профессиональные задачи.

– Извините, Оленька, что не сразу вас узнал, но вы сильно изменились со времени нашего знакомства, сколько времени-то прошло.

Задумавшись, я не заметила, что народ из комнаты уже почти весь разошелся и я сижу там практически одна, а передо мной стоит Нестеров...

– Что – постарела?

– Вовсе нет – повзрослели.

«Нахал, – подумала я, – ведь он фактически обзывает ту девушку, с которой когда-то знакомилась, глупой девчонкой... И, наверное, еще думает, что делает мне сейчас комплимент...»

– А вы почти не изменились... – ответила я, закладывая в свой ответ легко читаемый подвох. – Я-то вас хорошо помню – совсем юным и стеснительным мальчишкой, и, когда вы на меня смотрели, майор Нестеров, в глазах у вас светился голодный огонек...

Он усмехнулся, но не обиделся, а только улыбнулся и сказал:

– Зачем же так официально? Раньше вы меня звали просто Алешей.

«Ну, конечно! – вспомнила теперь и я. – Ты же Алексей!»

– А что это, Алеша, вы так неумело сейчас людям мозги морочили? – съязвила я. – Раньше, когда с молоденькими девушками знакомились, вы, насколько я помню, были изобретательней.

Он почему-то напрягся.

– Не понял.

– А что тут понимать? – пожала я плечами. – Вы говорите, что не можете предположить, что было причиной взрыва... Не говоря уже о том, что это само по себе неуклюжее вранье, уже через пару фраз вы начинаете интересоваться, не было ли в роддоме в момент взрыва посторонних лиц. Ведь к этому сводились все ваши расспросы, не правда ли, майор Алеша?

Он смутился.

– Оленька, откуда же я мог знать, что эта информация проходит и по вашему ведомству тоже. – Нестеров смотрел на меня, как школьник, которого поймали на неверном ответе у доски. – Ведь это уже пятый взрыв только в августе. Правда, мы проверили почту – на этот раз он не пользовался ее услугами.

«О чем это он? – подумала я. – Пятый взрыв – и все в роддомах, что ли? И кто это, интересно, не воспользовался на этот раз услугами почты?... Да и при чем тут вообще почта? Погоди-ка, Нестеров, что-то ты темнишь... Давай-ка, расскажи поподробнее...»

– Но ведь четвертый взрыв... – пробормотала я, как бы размышляя, в полной уверенности, что он мне сам сейчас все выложит.

– Конечно, ты права, – перебил он меня. – Четвертый взрыв был им совершен в Волгограде. Но почерк!.. Там точно он взрывал! А здесь мы еще сомневаемся... Роддом он трогает впервые. И, главное, непонятно – почему именно роддом... Правда, на его счету районная поликлиника здесь, в Тарасове, и мединститут в Волгограде... Он должен был каким-то образом доставить эту бомбу в роддом, иначе что же взорвалось? Слякоти с анализами? В роддоме просто должен был быть кто-то посторонний! У этого взрыва есть автор, я в этом уверен!

«Интересное дело! – удивилась я. – Они, оказывается, террориста ловят... Нет, ребята, я все равно не отдам вам Ларису Чайкину! Вы своими грубыми сапогами просто изуродуете ее душу, а ей матерью становиться... Нет, ищите этого своего террориста, а мы с Ларисой Чайкиной вам не помощницы... Нам с ней рожать на днях».

– Хочешь, я тебе дам дружеский совет, майор Алеша Нестеров? – спросила я его и, не дожидаясь ответа, сказала: – Не говори лишнего. Болтун, как ты и сам знаешь, – находка для шпиона!

Он смотрел на меня недоуменно.

– Твое счастье, Нестеров, что мне некогда сейчас – работать надо!.. А то бы я у тебя все выпытала до мельчайших подробностей... Просто из чистого любопытства... Правда, меня эта проблема интересует только в теоретическом, абстрактном плане... Поскольку как-то связана

с судьбой женщины, за которую я теперь несу невольную ответственность... Хотя, конечно, я не прочь взглянуть на того ублюдка, который это сделал.

Я помахала рукой растерявшемуся Нестерову и отправилась искать Кавээна с Игорьком: пора было включаться в разбор завала.

Глава вторая

Знала бы я, что буквально через пять минут сама окажусь в положении своего знакомого майора Нестерова, над которым только что иронизировала, и буду думать о нем уже как о коллеге.

Принять участие в разборе завала мне так и не удалось. Народа там было вполне достаточно, и народа очень грамотного и опытного в такого рода делах... Но это меня не остановило бы, я все равно полезла бы в первые ряды и в самые узкие щели, такой уж характер... Чужую беду я воспринимаю как свою собственную. Наверное, поэтому и в спасатели попала.

Поработать в завале мне не дало неожиданное появление Григория Абрамовича, которого, честно говоря, мы не ждали раньше чем дня через три. Но он тем не менее стоял во дворе роддома и что-то резко выговаривал Кавээну, который разводил руками и явно оправдывался. Я поспешила узнать, что случилось.

Еще не дойдя нескольких шагов до нашего командира, я почувствовала, что зол он чрезвычайно. И на Кавээна накинута, наверное, просто потому, что тот под руку попался. Что-то мне подсказывало, что наверняка сейчас и мне достанется.

– Ну что, экстремальный психолог второго разряда, дня не проходит, чтобы вы в какие-то контакты с ФСБ не вступили?

Уже по первому, столь ехидному вопросу Григория Абрамовича мне стало абсолютно ясно: так и есть, пришла моя очередь.

– Григорий Абрамович... – начала я недоумевающим тоном, но продолжить мне он не дал.

Если уж Грэг тебя перебивает, да еще не называет ни по фамилии, ни по имени, да еще на «вы» к тебе обращается, значит, он не просто зол, а зол просто-таки чрезвычайно. Интересное дело. Что бы это могло его так здорово разозлить?..

– Обращайтесь по форме, – раздраженно оборвал меня Григорий Абрамович, – мы с вами не на посиделках в сельском клубе, в конце концов, или, как это сейчас называется, не на дискотеке!

Он даже покраснел весь и без конца протирал платочком вспотевшую лысину...

– Товарищ подполковник...

Но он снова меня перебил:

– Товарищи в советской России остались, а такой страны больше не существует.

– Господин подполковник... – начала я и невольно улыбнулась.

Какой из него господин! Ну, не вяжется это слово с Григорием Абрамовичем, и все тут! Он больше на школьного учителя истории похож, причем истории именно той страны, которой, как он только что сказал, уже не существует, – советской истории.

– Что вы смеетесь надо мной, Николаева? – возмутился Григорий Абрамович. – Это возмутительное неуставное отношение к своему командиру! Распоясались тут, стоило мне только уехать ненадолго. У нас в группе безобразное отношение к дисциплине!

«Зря вы так, Григорий Абрамович, – подумала я. – Я ведь и обидеться могу, в конце концов! Мало ли за что вы там от своего начальства нагоняй получили, а мы-то с ребятами тут при чем?»

– Советской России и правда больше не существует, – сказала я. – Но люди, которые в ней выросли, остались. И она из них иногда лезет наружу, как язвы у больного проказой.

Я смотрела Грэгу прямо в глаза, и он смутился... Он, наверное, все же сумел увидеть себя со стороны, чего я и добивалась своей фразой. Я знаю, что Грэг – хороший командир и просто так, ради собственного удовольствия, никогда не станет выплескивать на друзей собственное раздражение. Я искренне считаю и его, и Кавээна с Игорьком своими друзьями... В конце

концов, мы спасатели, а не армия и не ФСБ, и это очень много значит. Я не умею служить, то есть формально подчиняться уставу и выполнять свои обязанности, я умею, хочу и могу работать, помогать, спасать. Поэтому я сейчас здесь, поэтому я – спасатель. И я не понимаю, в чем меня сейчас упрекают.

Григорий Абрамович, как мне показалось, прекрасно понял, о чем я подумала, но вслух не произнесла. Он аккуратно свернул свой платочек, сунул его в задний карман комбинезона и, жестом позвав нас за собой, направился к нашей машине.

«А почему, собственно, он в комбинезоне? – задала я себе вопрос и тут же на него ответила: – Значит, он успел заехать в управление. Нас там, естественно, не застал. Переоделся... И что же могло там-то случиться, что его так разозлило?»

– Григорий Абрамович, а разве что-нибудь случилось? – спросила я, сделав наивное выражение лица. – Мы же выполняем свои прямые обязанности.

– Нет, Оленька, не выполняете, – ответил Грэг, уже взяв себя в руки и разговаривая своим обычным спокойным и убедительным тоном. – Кроме ЧП, есть еще и повседневная текущая работа, которую тоже кому-то нужно делать... Это для вас она повседневная и, может быть, даже скучная, может быть, даже смешная и несерьезная по сравнению со взрывами, катастрофами, врезавшимися в мосты теплоходами и слетевшими в реку поездами. А для человека, который попал в безвыходную, по его мнению, ситуацию, – это трагедия. И помочь ему, показать, что выход есть и достаточно сделать шаг в нужную сторону, чтобы спастись.

Он замолчал, и я подумала:

«Это все правильно, но это мы и сами прекрасно знаем. Зачем об этом сейчас говорить?... Это же прописные истины».

Григорий Абрамович выдержал многозначительную паузу и продолжил:

– Я и в самом деле был не прав, когда позволил себе упрекать вас в том, чего вы скорее всего не совершали... Вы тут, конечно, ни при чем, наши, я имею в виду МЧС, отношения с ФСБ сложились без вашего участия. Отношения эти мне, например, очень не нравятся, но мнение мое имеет, к сожалению, слишком малый вес для людей, принимающих кардинальные решения.

Видя недоумение, отчетливо отразившееся на наших лицах, Григорий Абрамович поспешил продолжить, уводя нас от странной темы его взаимоотношений с высшим руководством нашего министерства:

– Объясню сразу и раскрою карты, потому что все козыри не мои, я предпочел бы в эту игру вообще не играть... Наше руководство всерьез собирается создавать из наших спасательских подразделений структуру, которая могла бы в случае необходимости заменить собой другие силовые структуры – будь то армия, или ФСБ, или МВД, или Служба безопасности президента... Зачем это делается, я не могу вам объяснить, сам я этого не понимаю и не принимаю... Но приказ этот я выполнять должен, хотя он мне и не по нутру... Хотя и не настолько, чтобы из-за этого подавать в отставку. На «зимние квартиры» мы всегда успеем, как сказал как-то Михаил Юрьевич...

– Кто? – переспросил Кавээн.

– Да служил в южном округе один такой младший офицер. Давно, еще до того, как МЧС организовали... Умный был человек...

Григорий Абрамович вздохнул и вновь полез в карман за своим платочком.

– Новые звания получать, конечно, приятно, но активность в булгаковских событиях сослужила нам и не очень, на мой взгляд, хорошую службу... Нам вменяется в обязанность проводить постоянную профилактическую работу, направленную на то, чтобы снизить число чрезвычайных происшествий на нашей территории.

– Это что же – успокаивать ураганный ветер, укрощать смерчи, предотвращать наводнения и засухи, проверять состояние газо- и нефтепроводов, ловить падающие самолеты? – попытался сосчитать Игорь.

– Если ты, Игорь, покажешь на деле, что все это умеешь, – не принял Грэг его шутки, – то не сомневайся, что и это со временем станет твоей обязанностью. К моему сожалению, мы уже показали, что кое-что умеем. И теперь нам поручают расследовать причины взрыва второго тарасовского роддома.

Мы все потеряли дар речи.

– А мы-то при чем? – пробормотал Кавээн. – Мы это... людей спасаем.

– Вот чтобы некого было спасти следующий раз, – терпеливо объяснял Грэг, – мы должны найти того, кто этот взрыв устроил.

И он показал рукой на центральную часть здания, к которой подогнали подъемный кран и снимали плиты перекрытия между третьим и вторым этажами, которые держались на честном слове и в любую минуту грозили обрушиться и увеличить число жертв, прибавив к ним кого-нибудь из особо рьяных и неосторожных спасателей.

– Так они же ищут террориста... – сказала я, вспомнив разговор с Нестеровым. – Мы, значит, тоже должны его искать, параллельно с ними. Кто первый найдет, так, что ли?.. Соревноваться нам с ними, что ли, придется? А зачем нам это нужно?

– С кем с ними, Оля? – быстро спросил Грэг. – Кто собирал там спасателей и какую информацию хотел от них получить?

Я пожала плечами.

– Следователь областной прокуратуры майор Нестеров, – ответила я. – Он очень осторожно, деликатно пытался выяснить – не заметил ли кто-нибудь посторонних людей на территории роддома.

Пока я говорила, Грэг кивал головой, а потом неожиданно уточнил:

– Все так, кроме одного. Майор Нестеров уже полгода как работает в службе безопасности, а не в областной прокуратуре, руководит опергруппой, занимающейся особо важными преступлениями.

Лицо мое вытянулось.

– А зачем же тогда он столько болтал в разговоре со мной, – спросила я, – выкладывал информацию, которая у него есть?

– Думаю, он хотел тебя проверить, убедиться – какой информацией обладаешь ты... Или вообще не обладаешь... – предположил Грэг. – Ты ему что-нибудь сообщила из того, что он хотел узнать?

Я покачала головой:

– Нет. И никто из спасателей пока не сообщил, но он дал всем свои координаты... Кто-то из спасателей к нему обязательно придет и расскажет, что вспомнил... И мы не сможем этому воспрепятствовать. Не можем же мы объяснять каждому из спасателей, что Нестеров не тот, за кого себя выдает, и не нужно давать ему никакую информацию. Хотя, конечно, из наших никто ФСБ не любит.

– Мы просто не сможем этого сделать, – согласился Грэг. – У нас нет оснований просить людей не общаться с ним. А Нестеров между тем фактически добился одной из своих истинных целей – перехватил у нас столь обширный источник информации, как спасатели. Ход наглый, но очень в духе ФСБ. Нужно приготовиться к тому, что это негласное соревнование они и дальше будут продолжать в том же направлении. Их истинная цель, как я подозреваю, – не столько найти этого полумифического-полуреального террориста, сколько дискредитировать наши способности к оперативно-розыскной работе. А шире – показать неспособность МЧС выступить в качестве альтернативы ФСБ. Вот так-то, дорогие мои. Не больше и не меньше.

– Едрена-матрена! – суммировал как умел, по-своему, наши общие впечатления Кавээн. – Опять нам с этими... с этими, блин...

– Саша, спокойнее! – вставил Грэг.

Кавээн быстро взглянул на него и решил обойтись без эпитета.

– ...опять кулаками махать! То-то у меня руки чешутся.

– И чтобы без всяких там кулаков! – с ясно ощутимым металлом в голосе приказал Григорий Абрамович. – Даже если будут провоцировать. Мало вам того, что Игоря в Булгакове ранили.

Он нахмурился и добавил:

– Полковник Краевский, кстати, вышел сухим из воды. Его причастность к запутыванию расследования причин булгаковской катастрофы не доказана. Можно сказать – сухим из воды вышел или специально его кто-то вывел, хотя временно он от дел отстранен. Но чувствую я, нам с ним еще придется встретиться.

– Я вообще не понимаю теперь, – подал голос Игорек, – мы спасатели или детективы?

– Мы, Игорек, спасатели, – ответил ему Григорий Абрамович. – Но поручено нам найти этого гада, который людей взрывает. И обезвредить его, чтобы ни одного взрыва больше не было. Это даже не поручение, это приказ нашего командования.

Грэг достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги, в котором нетрудно было угадать факс, развернул его, но Игорю в руки не дал, а прочитал сам, чего обычно не делал. Он никогда не скрывал от нас содержания приказов, которые получала группа, чтобы не подрывать доверие, установившееся в нашем маленьком коллективе. Грэг даже гордился этим доверием.

– Командиру ФГС-1 подполковнику Воротникову, – прочитал Грэг, близоруко щурясь на лист бумаги. – Приказываю обеспечить проведение группой оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление личности и поимку преступника, организовавшего взрывы поликлиники и роддома в Тарасове, мединститута в Волгограде, убийство профессора математики Тарасовского госуниверситета Мартыненко и покушение на убийство аспиранта политехнического института Гусева. Материалы по данному делу получить у майора ФСБ Нестерова. О ходе расследования докладывать с периодичностью в три дня мне.

Я обратила внимание, что Грэг будто проглотил фамилию, готовую сорваться с его языка. Не знаю, что меня толкнуло, но я заглянула через его плечо в бумагу, которую он читал, и, прежде чем он сложил лист бумаги, успела заметить фамилию человека, который подписал приказ. К моему большому удивлению, это оказался не генерал Кольцов и не начальник штаба Медведев, а... Чугунков. Тот самый Чугунков, который чуть не арестовал меня в Булгакове и который потом сам предлагал мне перейти в спецразведку МЧС, где, судя по всему, занимал не последнюю должность.

Но больше всего меня поразило его звание. В Булгакове на его форме не было знаков различия; когда он разговаривал со мной по телефону, он тоже мне своего звания не сообщил. Теперь же я своими глазами увидела подпись под приказом – «генерал Чугунков»! Вот это да! Чугунок, который гонял нас по полосе препятствий на сборах в спецлагере, – генерал! С ума сойти можно!

Вопрос уже готов был сорваться у меня с языка, но Грэг заметил мой взгляд на бумагу в его руках и так посмотрел на меня, что всякое желание задавать вопросы у меня пропало... А через секунду я уже забыла об этой странности, так как Грэг, оказывается, еще не закончил перечисление наших неприятностей.

– Теперь о дисциплине, – сказал он, и по его тону было понятно, что ничего обнадеживающего о ее состоянии в нашей группе мы не услышим. – Александр Васильевич уже слышал мое мнение об офицерах МЧС, которые оставляют вверенный им пост и устремляются как рядовые спасатели на место происшествия, забывая, что их главная обязанность – руководить,

а не стремиться в первые ряды, где народу и без них хватает... Вместо того чтобы, оценив ситуацию, оставить капитана Николаеву на своем месте в управлении продолжать оперативное дежурство, майор Маслюков снял всю группу и направился во главе ее на объект. Да еще сам фактически направил ее на беседу с представителем ФСБ, который очень внимательно следит за нами и собирает информацию о наших действиях. Ну да ладно, с этим мы уже разобрались. Главная его ошибка привела к тому, что группа не смогла, по сути дела, выполнить своих обязанностей.

Наши лица в очередной раз вытянулись...

– Но... – замычал Кавээн, – мы же работали тут...

– Я и не говорил, что вы тут отдыхали, – ответил Григорий Абрамович. – Но через десять минут после вашего выезда из управления поступил звонок из городского управления коммунального хозяйства. Глупейшая ситуация – женщина застряла в лифте.

– А мы-то тут при чем? – пробормотал Кавээн. – Мы лифты не ремонтируем.

– Оправдываться будешь перед прокурором, – оборвал его Грэг, – а я в другом ведомстве работаю. Так вот. Коммунальщики сообщили нашему диспетчеру, который переключил наш телефон на себя после вашего отъезда, что у застрявшей в лифте женщины начался какой-то психический припадок. По их предположению, она страдает сильно развитой формой клаустрофобии.

Я прикусила губу. Прав Грэг, это как раз тот случай, когда необходимо вмешательство экстремального психолога. Хорошо представляя природу заболевания, я могла бы облегчить ситуацию, в которой оказалась несчастная женщина, приходящая в ужас от замкнутого пространства. Разумным решением было бы оставить меня в управлении продолжать дежурство, а самому с Игорьком отправиться на ЧП.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.